— Мисс, мисс, пора вставать.

У меня раскалывалась голова. Нет, это была не просто головная боль. Я пожала плечами и оттолкнула кричащего мне в ухо человека, затем прикрыла лицо ладонью. Мое тело было в полном беспорядке.

Даже если я потеряла сознание, было бы лучше, если бы я была в постели, но я была на полу. Мое тело казалось столь измученным, потому что я провела всю ночь, уткнувшись головой в пол по направлению к двери.

Когда колющая боль стала в какой-то степени терпимой, я убрала ладонь с головы и открыл глаза. Мои глаза встретились с горничной, которая была рядом со мной, и она сделала шаг назад.

— Почему вы спите здесь, мисс?

— ...в чайнике не осталось воды.

Даже я слышала, что мой голос был ужасен. Я закашлялась, пытаясь восстановить голос, но это не помогло.

— Так вот почему вы ушли одни? Вы должны были позвать меня.

Горничная говорила со мной так, словно ругала ребенка, и ее голос эхом отдавался в моей голове, отчего у меня снова заболела голова. Я сделала жест в ее сторону, словно пытаясь избавиться от мухи, и тихо сказала:

— Заткнись, пожалуйста, просто помоги мне встать.

— А? Хорошо.

Благодаря ее помощи я смогла благополучно зайти в свою комнату и, сидя на кровати, уставилась в окно. Шторы были задернуты, так что свет не проникал внутрь.

Горничная проследила за моим взглядом и быстро отдернула занавески. На улице было еще темно.

— Сколько сейчас времени?

— Сейчас 6 часов утра.

— Мне пора собираться.

Я осторожно прижала палец под глазом, сегодня мне предстояло быть самой красивой и великолепной девушкой на свете. Я буду Шарлоттой.

Обычно мне не требовалось много времени, чтобы подготовиться, мне всегда приходилось вставать рано утром и одеваться с головы до ног. Неудивительно, что горничные собрались в моей комнате так рано. Не было никаких признаков того, что ко мне вернулся голос, поэтому я медленно встала и взяла чайник, который был рядом. Естественно, он казался легким.

— Миледи, я...

Служанка, раздвинувшая занавески, подошла ко мне. Я высоко подняла чайник, спокойно глядя на ее приближающееся ко мне лицо.

Горничная выглядела смущенной, когда я наклонила чайник над ее головой, глядя ей в глаза, Это выглядело так, как будто я лила воду ей на голову. В этот момент горничная замерла. Но никто не промок.

— Я же сказала тебе, что здесь нет воды.

— ...Я вижу.

— И это все, что ты собираешься сказать?

Увидев меня, у которой не было много внешних отношений с тех пор, как меня удочерили, другие могли бы заподозрить, что им не разрешали увидеть даже прядь моих волос из-за того, что герцог Линн заботливо воспитывал меня.

Однако реальность сильно отличается от воображения. Меня воспитывали ради сегодняшнего дня.

Хорошенькая куколка, которую можно выбросить в любой момент, верный пес, которого заставляют повиноваться любому слову, исходящему от семьи. Таково было мое положение в семье Линн, и люди, которые работали на эту семью, тоже знали об этом.

Они называли меня "леди" своими устами, но чувствовали, что могут игнорировать меня своими действиями. Даже сегодня, в этот день, когда я войду во дворец.

Я вспомнила, как она выглядела, когда я упала в первый раз и попытался удержать кровь подальше от моей одежды. В ее глазах не было ни беспокойства, ни смущения.

— ...Мне очень жаль.

— ...

— Это была моя вина, мисс.

Когда мое молчание затянулось, горничная продолжила извиняться. Горничная не могла скрыть своего беспокойства, как будто ей было неловко от того, что я так долго молчала.

— Ты признаешь свою вину?

— Да, мисс, это была моя вина.

— Ты признала свою вину, так что теперь решай, какое тебе следует понести наказание.

— Что?

— Ты сказала, что ты виновата, поэтому вполне естественно, чтобы тебя наказали.

Горничная широко раскрыла глаза, она выглядела так, словно не могла поверить в то, что я только что произнесла.

— Ты сказала, что знаешь, что ошибаешься, но собираешься просто оставить все как есть?

— Ах, нет.

— Тогда поторопись и решай. Наказание, которое ты получишь.

Она ответила не сразу, я ничего не говорила, но я видела, что ее голова вращается быстрее, чем когда-либо. Я видела, что она думает, что если бы она захотела понести слишком слабое наказание, я бы разозлилась и наказала ее сильно. Однако, если она попросит, чтобы ее строго наказали, она боялась, что это произойдет на самом деле, поэтому она не могла решить.

Было бы хорошо, если бы была какая-то середина, но молчание продолжалось, возможно, потому что ничего не приходило в голову.

Чем дольше длилось молчание, тем тревожнее становилась служанка. Она знала, что не может молчать вечно, а я смотрела на нее, не меняя выражения лица.

Она не выдержала моего взгляда, и я уже устала на нее пялиться.

Через некоторое время я сунула чайник, который держала, в руки служанки. Неожиданно, увидев его в своих руках, она посмотрела на меня

— Принеси воды.

— ...Да?

— Проступок должен быть исправлен.

С самого начала в мои намерения не входило ругать ее. Для многих людей дворяне были теми, кто имел неприступный статус. Если королевская семья считалась богами, то дворяне и герцог находились в аналогичном положении. Хотя я родилась простолюдинкой и была удочерена, меня все еще считали Линн. Халатность в работе заслуживала наказания.

Но с того момента, как я вошла в этот дом, со мной всегда так обращались, и я даже принимала это как должное.

Горничная передо мной была не единственным человеком, который игнорировал меня, все, кто жил и дышал в особняке Линн, ничем не отличались от горничной, стоявшей передо мной.

Если вы запоздало спросили цену молока за то, что должно быть принято как должное, вы должны выдвинуть авторитет, который у вас есть, только с именем. Я все еще была дворянкой, так что меня не обвинят, даже если я накажу одну или двух служанок. Но я никогда ничего такого не делала.

Это была ошибка, которую я совершила в прошлом, это был след меня, которая ничего не знала. Хотя это не было вопиющим, будет ли это справедливым наказанием за осуждение незначительной дискриминации?

Что бы я ни сделала с ней, все, что я могла – это позаимствовать имя семьи и добиться власти. Как забавно было заимствовать власть у семьи, из которой я твердо решила уйти, вместо того чтобы выйти из тени семьи.

Я посмотрела на горничную, которая смущенно закатила глаза. Что было действительно важно для меня, так это путь вперед, и я была тем, кто покинет это место, следуя по новому пути.

— Иди давай.

После того, как я подтолкнул ее, горничная быстро стала двигаться, иначе, чем делала раньше. Она вышла из комнаты, нежно держа в руках чайник. После ухода горничной, как только дверь закрылась, я села на кровать.

Знает ли она?

Многочисленные конфликты пронеслись в моей голове за короткий миг. Страх, который в одну секунду ощущался как стыд, движимый неизвестным чувством испуга.

Наказание, которое до сих пор игнорировалось, было внезапно упомянуто, так что чувства, которые я испытала, были нормальными. Не думаю, что она когда-нибудь узнает. Она просто подумает, что я веду себя странно перед входом во дворец.

На улице были предрассветные сумерки.

Рассвет проникал в окно, и чувствуя слабый свет, я села на кровать, пока горничная наконец не вернулась. Когда она пришла с полным чайником воды, я начала одеваться.

Это было уже в шестой раз.

Я уже в шестой раз надевала одно и то же платье.

До пятого раза я всегда сидела в полной боевой готовности, но на этот раз все было по-другому.

Ничего не изменится только потому, что я буду наблюдать за окружающим. Я просто задремала, когда почувствовала усталость, а когда почувствовала жажду, попросила служанку принести мне воды. Каждый раз, когда я просыпалась после дремы, моя внешность становилась красивее в зеркале. Это лицо не произвело на меня особого впечатления, так как время шло, и солнце поднималось высоко.

Я задремала, как больной цыпленок, но горничная разбудила меня тихим голосом.

В комнату, где двигались только служанки, вошел гость.

Я уже знала, кто это.

Даже если бы я не знала, мне не потребовалось бы слишком много времени, чтобы заметить это из-за холодной атмосферы вокруг. Я посмотрела в зеркало и лениво зевнула. Я увидела семейную пару Линн.

— Я спала под дверью вместо хорошей кровати.

Я видела, как он холодно смотрит на меня через зеркало. Как всегда, его взгляд был полон презрения.

— Ты упрямишься. Но сегодня ты должна отправиться во дворец, — он говорил то же самое, что и Ремиджио.

Я тоже это знала. Если я не убегу из особняка прямо сейчас, мне суждено войти во дворец. Это было решено с тех пор, как меня удочерил герцог Линн. Разве я не оказалась в этой семье ради этого в первую очередь?

Глядя на герцогиню Линн через зеркало, я задала ей вопрос, на который уже был ответ:

— Можно ли не ехать?

— Тебе вдруг стало страшно?

— Нет.

Люди думали, что я слишком боюсь встретиться с Императором. Если быть более точной, они думали, что я буду бояться реальности, что я должна была беспомощно умереть от рук сумасшедшего.

Смерть.

Само слово смерть больше не имело для меня никакого значения

— Я не боюсь смерти.

— Тогда чего же ты боишься?

— А чего, по-твоему? — Я ответила на его вопрос другим вопросом.

Я, которая никогда раньше не задавала вопросов, вдруг задала такой, не ответив послушно на заданный мне. Моя мать, которая пристально смотрела мне в глаза, вздохнула.

http://tl.rulate.ru/book/50515/1308652